

Сестрина любовь. Литовская народная сказка

Умерла у одного человека жена, оставила малых сирот – двух братьев и одну сестрицу. Погоревал, погоревал вдовец, но в дом хозяйка нужна, малым деткам – мать, вот он и женился во второй раз.

Выбежали как-то братья во двор поиграть.

– Ты будешь лошадка, – говорит старший, – а я – кучер. Ты "и-го-го" кричи, а я тебя погонять буду. Но-о, Сивка, но-но!

– Нет, ребята, – говорит им мачеха, – вы лучше в серых волков поиграйте. Станьте на четвереньки и кричите "у-у-у".

Послушались пасынки мачехи, стали на четвереньки и ну выть по-волчьи. А отец, глядя на сыновей своих, не нарадуется.

– Смотри, как ребятишки наши резвятся! – говорит он жене. А та хлопнула в ладоши и говорит:

– Вот пускай и превратятся они в волков, пускай рыщут по лесам дремучим, по пескам горячим, по оврагам сыпучим!

Не успела вымолвить, как оба брата превратились в волков и побежали к лесу.

Выскочила на крыльцо за ними сестрица, плачет, убивается, руки ломает, братьев своих милых зовёт.

Тут только поняли отец с дочерью, что за мачеху он в дом привёл: не женщина это Божья, а злая колдунья – лауме.

Вот и говорит отец дочери:

– Берись, Марите, за всю работу по дому, угождай мачехе как можешь. Авось смилостивится она и возвратит сыночкам моим человеческий облик.

Раньше всех в доме вставала падчерица, позже всех ложилась. Работа в руках у неё спорилась: и пряла она тоньше всех, и ткала быстрее всех, а если за рукоделье какое возьмётся – вся деревня сбегалась поглядеть. Но мачехе всё было мало.

– Ты уже совсем, девка, выросла, – говорила она падчерице. – Не век же тебе на отцовских хлебах сидеть, пора тебе приданое готовить!

Послушалась Марите мачехи, наткала себе штуку полотна, нашла сорочек, простынь, наволоку и, по обычаю, принялась полотенца вышивать. Да такие они у неё красивые получились, что и глаз не оторвать. Всё она на них вышила: и как они с отцом и матушкой родною хорошо жили, и как матушка умерла, а отец к ним в дом злую мачеху–лауме привёл, и как братья на двор играть выбежали, а мачеха их в волков превратила, и как она сама, Марите, стоит на крыльце и руки ломает. Увидала мачеха полотенца эти, ничего не сказала, только ещё пущую злобу на Марите в душе затаила. Дождалась она, когда муж её зерно на мельницу повёз, схватила полотенца падчерицы в охапку и вышвырнула их за дверь.

Ступай и ты за своими полотенцами! – кричит. И вытолкала Марите на улицу, а дверь за ней на засов заперла.

Завязала Марите полотенца свои в узелок, идёт по дороге, слезами заливается. Свернула она к лесу. Трое суток лесом шла, видит – пламенеет что-то вдаль, точно костёр горит. А это был дом Солнышка, сюда оно к вечеру почивать спускалось.

Постучалась Марите к Солнышку в окошко. Впустило её Солнышко в дом да и спрашивает ласково:

– О чём ты плачешь, красавица? Рассказала девушка Солнышку, как злая мачеха–лауме братцев её в волков превратила, а сама ещё пуще слезами заливается.

– Солнышко, Солнышко красное, не видело ли ты моих милых братьев? – спрашивает.

– Побудь у меня до вечера, – сказала Солнышко, – вечером я соберу к себе все свои лучи, что за день по белу свету разбрелись, и расспрошу их, не видели ли они твоих братьев.

Затопила Марите печку, напекла Солнышку и наварила всякой снеди, полный стол яствами уставила.

Потемнело за окном, стали к Солнышку лучи его на отдых собираться. Сели хозяева с гостьей за стол, и, когда все наелись, спрашивает Солнышко у своих лучей:

– Не повстречались ли вам братья Марите, которых злая мачеха–лауме в волков превратила?

– Нет, – отвечают лучи, – мы ведь только днём по белу свету бродили, а волки больше по ночам рыщут. Спроси, девушка, у Месяца, может быть, он что-нибудь о братьях твоих знает.

Расспросила Марите дорогу к Месяцу, распрощалась с хозяевами да как оглянулась с порога – видит, что Солнышкина светлица так и осталась после ужина не метена. Взялась она за метлу, хорошенько пол подмела, сор собрала и уже хочет его в печку кинуть.

– Стой, красавица, – говорит Солнышко, – не выбрасывай сор, а завяжи его в уголок полотенца, авось он тебе ещё сгодится.

Послушалась Марите его совета, завязала сор в узелок полотенца и отправилась в путь–дорогу.

Шла она лесом, глядит – впереди что-то серебрится и голубеет, точь–в–точь глыба льда сияет. А это был Месяцев дом, сюда он к утру почивать спускался.

Постучалась Марите к Месяцу в окошко, а сама стоит, слезами заливается. Жалко ей братьев своих, поскорее разыскать их хочется.

Впустил её Месяц в дом да спрашивает ласково:

– О чем ты плачешь, красавица? Рассказала ему девушка про братьев своих, как злая мачеха–лауме их в волков превратила.

– Месяц, Месяц ясный, не видел ли ты моих милых братьев? – спрашивает.

– Переночуй у меня, – говорит Месяц, – а наутро я соберу к себе все свои лучи, что всю ночь по белу свету бродят, и расспрошу их, не видели ли они твоих братьев.

Истопила Марите печку, напекла и наварила Месяцу всякой снеди, полный стол яствами уставила, легла спать, а заснуть не может – всё лучей Месяца дожидается. Чтобы тоску разогнать, взялась она постирать бельё Месяцу. Бельё у неё белое, как кипень, получилось.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Протянула она верёвку во дворе, бельё развесила. А тут светлеть стали окна, начали к Месяцу лучи его на отдых собираться.

Уселись хозяева с гостьей за стол, откушали.

– Не видали ли братьев Марите, которых злая мачеха–лауме в волков превратила? – спрашивает Месяц у своих лучей.

– Видели,– ответили лучи,– они на Стекло́нной горе логово себе устроили, но взобраться на гору эту обыкновенному человеку не под силу.

Расспросила Марите у лучей Месяца дорогу к Стекло́нной горе, распрощалась с хозяевами, вышла во двор, глядит – бельё, что она постирала, уже высохло на верёвке. Принялась она его снимать, потом верёвку от столбов отвязала, свернула жгутом, хочет в кухне на крюк повесить.

– Стой, красавица,– говорит Месяц,– не вешай верёвку на крюк, лучше возьми её с собой, авось она тебе ещё сгодится.

Послушалась Марите Месяца, взяла с собой верёвку и отправилась в путь–дорогу. Шла она, шла лесами дремучими, песками горячими, оврагами сыпучими и счёт потеряла дням и ночам, что она в пути провела. Утомилась, обессилела, еле–еле до Стекло́нной горы добрела.

Ступила она на Стекло́нную гору. А гора эта крутая и скользкая, никак на неё не взобраться. Голая она вся, только на самой вершине сухая сосна торчит.

"Что же делать?" – думает Марите. А в это время вышло из–за тучи Солнышко и глянуло ей прямо в лицо. Она и вспомнила про сор, что Солнышко наказало ей в уголок полотенца завязать. Стала она этот сор перед собой сыпать, ноги уже не скользят – так она до половины Стекло́нной горы и добралась. А тут ночь уже наступила, потемнело вокруг, а Марите всего только полпути прошла.

Дальше гора ещё отвеснее, ещё круче, а у Марите уже весь сор вышел.

"Что мне делать дальше?" – думает бедняжка.

А тут Месяц из–за тучи вышел и глянул ей прямо в лицо. Тут–то и вспомнила Марите про верёвку, что Месяц наказал ей с собой взять.

Сделала она петлю из верёвки, размахнулась изо всех сил и накинула её на засохшую сосну, что на Стекло́нной горе росла. Так по верёвке и добралась она до самой вершины. А на вершине вход в пещеру чернеет. Вошла Марите в пещеру, а в пещере лестница – вниз ведёт. Спускалась Марите по лестнице этой, спускалась, тысячу ступенек насчитала и со счета сбилась. Привела её лестница в богатые хоромы. Смотрит девушка – не то это человеческое жильё, не то звериное логово.

Посреди хором стол богатый стоит, две лежанки у стен, но лежанки не одеялами, а мхом лесным устланы, а вокруг них кости обглоданные валяются. Догадалась Марите, что это жилище её братьев.

"А что, как не узнают меня братья, – думает бедняжка,– и загрызут меня насмерть? Развешу–ка я тут по стенам свои полотенца. Если признают их братья – значит, они люди ещё, а не признают – значит, и впрямь они в диких зверей превратились".

Развесила Марите полотенца свои по стенам, а сама в печку спряталась и ждёт.

Под утро вернулись волки в своё логово, увидели полотенца на стенах и говорят один другому:

– Глянь–ка, братец, а ведь это мы с батюшкой, с матушкой родною и с сестрицей счастливо живём.

– А это отец злую мачеху–лауме к нам в дом привёл.

– А это она нас в серых волков превратила.

– А это сестрица Марите на крыльце плачет, руки ломает... Сестрица Марите, где ты, родимая?

– Я здесь! – отозвалась Марите и вылезла из печки.

Рассказали братья ей, что злая лауме такое заклятье на них наложила: если кто хочет их расколдовать, чтобы они снова в людей превратились, должен тот человек крапивы нарвать, прясть из крапивы пряжи, соткать из той пряжи дерюгу, сшить из той дерюги рубашки и рубашки те на волков надеть – тогда они снова в людей превратятся. А пока не превратятся они в людей, человек этот должен молчать, слова даже нельзя ему вымолвить, "да" и "нет" сказать нельзя.

И крапиву рвать, и прясть, и ткать, и шить – всё это он должен делать молча.

– Но кто же возьмёт на себя такую муку, чтобы нас спасти! – сказал меньшой брат и заплакал.

– Я и не такую муку на себя взяла бы, только бы вас, милые братцы, спасти,– ответила Марите.– Сегодня наговоримся вдоволь, а завтра уж я молчальницей стану.

Назавтра нарвала Марите крапивы, стала пряжу из крапивы прясть. Руки её белые пузырями покрылись, но она молчит, слова не вымолвит.

Потом из пряжи Марите наткала дерюги и принялась из дерюги этой братьям рубашки шить. И прядёт, и ткёт, и шьёт – всё это молча.

А в это время охотился в лесу подле Стекло́нной горы молодой бравый охотник. Глянул он на гору и видит, что над горой дымок вьётся, значит, кто–то тут живёт.

Решил охотник взобраться на гору – поглядеть, кто на ней поселился. Привязал он коня своего у подножия горы, смотрит – по склону горы тропинка вьётся, сором посыпанная, чтобы ноги по ней не скользили, а дальше верёвка свисает, к сухой сосне привязанная.

Долго ли, коротко ли взбирался охотник на гору, но наконец добрался до самой вершины, отыскал пещеру и по лестнице спустился в жилище волков. Только сейчас оно на звериное логово и не походило, так Марите его убрала да разукрасила.

Вошёл охотник в хоромы и ахнул: сидит в хоромах этих у окна красавица, каких он ещё и не видывал, и шьёт что–то.

– Кто ты, красавица? – спрашивает охотник, а девушка молчит.

– Не можешь ты говорить со мной или не хочешь? – спрашивает охотник, а девушка в ответ ни полслова.

– Матушка моя повсюду невесту для меня искала, – говорит охотник, – но как увидит она тебя, других уже искать не станет.– А сам поближе к Марите подходит.– Хочешь ты со мной к матушке моей поехать? Скажи только "нет", и я тотчас уйду, оставлю тебя в покое,– говорит охотник.

А девушка в ответ ни "нет", ни "да" не говорит.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– А, раз так!..– сказал охотник, схватил девушку на руки и вынес её из пещеры на белый свет.

Спустился он со своей драгоценною ношей со Стеклою горы, усадил девушку на коня и увёз с собой. И не видел он, что за ним выскочили на дорогу два серых волка да подглядели, куда он их сестрицу умчал.

Горько было молодому охотнику, что невеста его за целый день слова ему не вымолвила, но недолго пришлось ему мучиться.

Сшила к вечеру Марите вторую рубаху. Видит охотник – вышла его красавица на крыльцо, а под самое это крыльцо два серых волка прибежали. Не успел хозяин и ружьё с гвоздя снять, набросила его красавица на волков рубахи, и превратились волки в статных, рослых парней. Тут невеста заговорила и рассказала охотнику всё – и про мачеху–лауме, и про колдовство её, и про завет, что она на братьев Марите наложила.

Не знала только Марите, что завет мачехи ещё не кончился. Как сшила девушка братцам рубахи, осталась у нее ещё дерюга, а остаток этот ни мерить, ни вешать нельзя было, иначе братья Марите снова в волков обратятся.

Ничего этого не знала счастливая невеста. Целыми днями она песни распевала да помогала свекрови к свадьбе готовиться. Порешили они с женихом послать гонца – пригласить батюшку Марите на свадьбу.

Как узнала злая мачеха–лауме про счастье, что её падчерице и пасынкам выпало, решила она на своём поставить, снова парней в волков обратить. Переделалась она цыганкой, завернула котёнка в лохмотья и на руках его, как ребёнка, качивает.

Подошла злая лауме под окно падчерицы и умильно так просит:

– Красавица, красавица, богатая будешь, счастливая будешь!.. Может, есть у тебя в доме плохонькая дерюжка? Отмерь мне всего четыре пяди, внучку моему на пелёнки... Не пожалей в такой день!

А про себя думает: сейчас отрежет кусок, и снова братья превратятся в волков. А Марите скупой никогда не была.

– Зачем мне отмерять тебе четыре пяди? – говорит. – На тебе всю дерюгу, что у меня осталась! – И бросила цыганке в окно дерюгу.

Так доброта Марите спасла братьев от злой колдуньи. Вскоре сыграли весёлую свадьбу Марите и охотника. Сто гостей созвали, сто гусей приготовили, сто пирогов напекли. Мне бы такую свадьбу устроили – я бы хоть сегодня женился!